

ПАРТИЙНАЯ ВЛАСТЬ И БОРЬБА ПРОТИВ ФОРМАЛИЗМА И НАТУРАЛИЗМА В ПИСАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ ТАТАРСТАНА

© З.З.Мифтахов, В.Г.Хабибуллина

Содержится материал, позволяющий создать некоторое представление об атмосфере в писательской среде Татарстана во второй половине 30-х годов XX века.

Проблема "власть и художественная литература" была актуальна во все времена. Интерес к этой проблеме особенно резко возрос в нашей стране в постсоветский период, и он связан с теми переменами, которые произошли в указанное время. Во-первых, это открытие доступа к тем документам, которые были до этого не доступны исследователям. Стало возможным опубликовать работы, созданные на основе использования материалов двух общегородских собраний писателей Татарстана для определения и описания поведенческих характеристик тех или иных писателей в условиях 30-х годов XX века. Во-вторых, обострилась проблема налаживания новых отношений между властными структурами и писателями, писательскими организациями. Кроме того, в постсоветский период формируется новая система взаимоотношений между писателями и читателями.

Статья написана на основе ранее неизвестных широкому кругу читателей документов в виде стенограмм двух общих собраний писателей Татарстана, которые рассматриваются в тесном контексте с партийной политикой в сфере художественной литературы.

Целью работы является ознакомление читателей с ситуацией в писательской среде Татарстана в годы "большого террора".

Как известно, в 1936-1937 годах по стране прокатилась вторая волна массовых репрессий. Она сопровождалась идеологическими кампаниями против "троцкизма", "султангалеевщины", "формализма", "натурализма" и так далее. В ходе этих кампаний сформировался образ "врагов народа", против которых советские писатели должны были бороться. Если кто-то из них не сумел или тем более не захотел разоблачать, то его самого клеймили "пособником врагов народа". Не обошла стороной напасть и Татарстан [1]. Предрепрессивная зыбь докатилась до писательской среды Татарстана в марте 1936 года. Если в постановлении ЦК от 1925 года были определены основные критерии оценки содержания произведений художественной литературы, то в 1936 и 1937 годах "на повестку дня встали новые вопро-

сы: о форме и стиле художественных произведений, о методах выработки новых художественных форм и так далее" [2]. В 1936-1937 годах собрания членов Союза советских писателей Татарстана (далее – ССПТ) фактически проходили под доминирующим влиянием идейно-политического фактора. Вторая половина 30-х годов началась с яростной кампании против "формализма" и "натурализма". Наиболее ярким поучительным примером своеобразного ритуального самоочищения от ошибок, очищения своих рядов от носителей "измов", "врагов народа" и в то же время демонстрацией единства и солидарности с партией явились общие собрания писателей 1936 и 1937 годов.

Как известно, в 1936 году по указанию партийных идеологов в писательской среде развернулась борьба против "формализма". В марте – начале апреля 1936 года в газете "Правда" была опубликована серия статей, посвященных борьбе с "формализмом" в культуре и искусстве в целом, в художественной литературе в особенности: "Сумбур вместо музыки", "Балетная фальшь", "О художниках-пачкунах" и другие. Поднятые в указанных статьях проблемы взбудоражили и писателей Татарстана.

Общегородское собрание писателей Татарстана под весьма характерным названием "Против формализма и натурализма в литературе" открылось 21 марта 1936 года. Разумеется, инициатива обсуждения этих вопросов исходила не от самих писателей и даже не от Татобкома ВКП(б), а указания были даны сверху.

Соотношение между формой и содержанием – величина переменная, так как в развитии литературного творчества наступает такой момент, когда через посредство старых форм невозможно в полной мере отразить новое содержание [3]. Действительно, к середине 30-х годов некоторые старые канонизированные формы не годились для отражения нового содержания. В этом смысле постановка вопроса о борьбе с "формализмом" и "натурализмом" на общегородском собрании писателей была закономерна. В свое время Л.Д.Троцкий писал: "Художественное творчест-

во есть всегда сложная перелицовка старых форм под влиянием новых толчков, исходящих из области, лежащей вне самого художества" [4]. Поэтому проблема соотношения формы и содержания в определенном смысле – "вечный вопрос". Однако была и обратная сторона: дискуссии по указанной проблеме послужили детонатором ухудшения отношений между писателями. Обращает на себя внимание и тот факт, что это было собрание не только членов ССПТ, а всех писателей Казани, и обсуждение в такой аудитории проблем развития литературы было явлением само по себе положительным. Однако вместо спокойного обсуждения этих проблем большая часть времени была потрачена на самоотчеты и взаимные обвинения. Не подозревая о возможных последствиях, на первых порах писатели добросовестно перечисляли свои ошибки, недостатки в своем творчестве. Лишь некоторые со временем научились дозировать перечень своих недостатков и достижений в прошлом и старались показать, что к моменту проведения собрания они преодолели эти недостатки и теперь успешно движутся к "социалистическому идеалу писателя и личности".

С самого начала собрания был задан определенный тон – клеймить формализм и натурализм. Это сделал в своем докладе К.Наджми. Его выступление под названием "За социалистический реализм" в несколько сокращенном варианте было опубликовано в газете "Кзыл Татарстан" от 23 марта 1936 года. Стенограмма его речи сохранилась в НА РТ (оп.1, д.60.). Судя по стенограмме, речь К.Наджми была довольно "вялой", казенной. Видимо, он уже чувствовал или знал, что его освободят от должности председателя правления ССПТ. В структурном отношении его выступление состояло из двух частей. В первой части своего выступления К.Наджми изложил позицию партии по вопросу борьбы с формализмом и натурализмом в литературе. Вторая часть была посвящена выявлению конкретных форм проявления формализма и натурализма в татарской советской литературе. 23 марта начались прения по докладу К.Наджми. Круг участвовавших в обсуждении его доклада был довольно широк – более 20 человек [5].

Как было принято в те времена, каждый выступающий должен был себя и еще кого-то критиковать. Поэтому эти элементы присутствовали во всех выступлениях. Они отличались не только по тону, но и по цели и мотивам. По представлению партийных органов, критика и самокритика были призваны вдохновлять и направлять писателей на создание более ценных художественных произведений. Однако в данном случае прения

развернулись по другому сценарию. Многие выступающие, постепенно утратив способность к спокойному анализу произведений своих собратьев, начинали обвинять докладчика в том, о чем он не говорил, а затем, удовлетворившись перечислением несказанного, начинали критиковать другого сотоварища по перу. Выступления носили чересчур острый характер. Было сделано много критических замечаний. Ибо критиковали не профессиональные литературные критики, а собратья по перу, а это приводило к тому, что движущими мотивами были чаще всего обида, зависть, нелюбовь к личности того или иного писателя. Исключение составило, на наш взгляд, выступление профессионального критика, литературоведа Г.Нигмати. В начале своей речи он говорил о том, что такое широкое обсуждение "формализма" и "натурализма" в татарской литературе свидетельствует о том, что читательские массы по-настоящему интересуются творчеством писателей, ждут от них еще лучших произведений. Поскольку он выступал уже двенадцатым по счету, то имел возможность сделать определенные обобщения. Прежде всего, он подчеркнул мысль о том, что дискуссия проходит не на должном уровне, большей частью посвящена поиску шаблонных ошибок. Он говорил об отдельных проявлениях формализма в творчестве Х.Туфана и К.Тинчурина [6]. Это было сделано в добродушном тоне. Г.Нигмати был чуть ли не единственным из участников собрания, кто выступал обстоятельно, аналитически, взвешенно излагая свою точку зрения по поводу тех или иных художественных произведений.

По ходу выступлений выяснилось, что абсолютное большинство присутствующих не имело представления о том, что такое натурализм и что такое формализм, но тем не менее весьма старательно искали и находили их в творчестве сотоварища по перу или заявляли о том, что и у них самих много и формализма, и натурализма (или одного из них). Не случайно только девятый выступающий в прениях Х.Вали поставил вопрос: "Что такое формализм?", – и сам же дал ответ, приводя определение, данное Медведевым и Кирпотиним [7].

Если одни из выступавших под натурализмом понимали описание животных, птиц, их поведения, а под формализмом – чрезмерное использование художественных приемов, то другие под формализмом и натурализмом понимали желание тех или иных авторов отойти от освещения советской действительности и "протаскивания враждебной идеологии" [8]. Так, например, Ф.Сайфи высказался, что в татарской литературе натурализм и формализм не существуют как

особые течения. Их элементы имеются лишь в произведениях отдельных писателей. И в завершении своего выступления, как требовали в те времена, занялся самокритикой и заявил: "Если сказать о себе, то я болел натурализмом". В качестве примера привел свое произведение "Красный эшелон" [9]. По мнению Ш.Усманова, борьба против формализма и натурализма должна выражаться в борьбе против низкого качества художественных произведений [10]. В то же время следует обратить внимание на мысль, высказанную Г.В.Плехановым еще в конце XIX века: "Произведения, авторы которых дорожат только формой, всегда выражают... безнадежно отрицательное... отношение их авторов к окружающей их общественной среде" [11]. Иными словами, это была своеобразная реакция части писателей против явлений, происходящих в окружающей их общественной среде. Все это привело к тому, что те или иные писатели стали придавать своим литературным персонажам характер "ходульности и выдуманности" (Г.В.Плеханов).

Однако это была не творческая дискуссия, призванная определить основные направления дальнейшего развития татарской советской литературы, а была своеобразной процедурой "процеживания через сито" творчества татарских писателей. Обратим внимание на принципиальный и важный вопрос о результативности работы данного общегородского собрания писателей. Одним из его основных итогов должно было быть единение рядов писателей Татарстана, укрепление системы связей и отношений между ними, а на деле получилось обратное. Публичное выяснение отношений между писателями привело к раздорам, взаимным обидам и явилось питательной средой для доносов друг на друга. В воздухе уже витал страх. Не случайно С.Муртазин в своем выступлении не просто критиковал поэму Х.Туфана "Клятва", а указал на необходимость как можно быстрее изъять ее из обращения и добавил: "Если там наверху ее прочитают, то наши дела будут плохи" [12]. С.Муртазин усмотрел проявление формализма и натурализма и в произведениях других писателей [13]. Определенная часть писателей была недовольна ходом и результатами развернувшейся дискуссии. Их точку зрения наиболее полно выразил Г.Нигмати, который отметил, что дискуссия превратилась в поиск шаблонных ошибок в творчестве того или иного писателя и не сумела подняться на должную высоту, чтобы помочь улучшить состояние дел на творческом фронте.

Для ознакомления с состоянием дел ОК ВКП(б) создал комиссию по проверке деятельно-

сти ССПТ. Председателем комиссии был назначен Т.Имамутдинов. На основе решения ОК ВКП(б) от 27 февраля 1937 года 28 апреля того же года открылось специальное собрание писателей. На повестке дня стояли два вопроса: доклад комиссии по проверке деятельности руководства ССПТ, избрание нового состава правления.

Как известно, одним из излюбленных управленческих приемов И.В.Сталина было постоянное перетряхивание и замена состава аппарата управления. Эта участь не миновала и ССПТ. 27 апреля 1937 года бюро ОК ВКП(б) приняло решение об освобождении К.Наджми от руководства ССПТ [14]. Председателем правления ССПТ был избран Т.Имамутдинов, не имеющий отношения к литературе [15]. До этого он работал ответственным обкома ВКП(б) [16]. Хотя принцип выборности состава правления и председателя ССПТ еще формально сохранялся, но фактически председатель назначался ОК ВКП(б). Неприятие рекомендуемой сверху кандидатуры председателя в рассматриваемый нами период расценивалось как антипартийный акт.

Собрание открыл Л.Гильманов, который озвучил постановление ОК ВКП(б). Докладчиком по первому вопросу повестки дня был Т.Имамутдинов. 4 мая на заключительном заседании собрания выступил секретарь обкома Г.Мухаметзянов. Он заявил о том, что решение ОК ВКП(б) от 27 октября 1936 года "О работе ССПТ" не выполнено. В этом он обвинил руководство ССПТ. Он также пояснил, почему бюро ОК ВКП(б) приняло решение об освобождении К.Наджми с поста председателя ССПТ. Свое выступление Г.Мухаметзянов закончил словами: "В отношении любого товарища подход должен быть такой, – мы должны принять все необходимые меры для того, чтобы каждого товарища поставить на путь истины, на путь правды, на... советский путь" [17].

В обсуждениях приняли участие М.Джалиль, А.Файзи, М.Галяу, Елизарова, Ш.Камал, М.Гали, Н.Баян, Х.Ярми, Ф.Карим, Х.Джалиль, Х.Каримов, Ишмуратов, К.Тинчурин, З.Самитов и другие. В прениях участвовали 25 человек, поэтому заседание проводили в две смены. Во многих выступлениях содержалась острая критика деятельности правления ССПТ, в особенности его председателя К.Наджми. Выступавшие обвиняли руководство в следующих грехах: круговой поруке, семейственности, групповщине, зазнайстве, алчности, в зажиме критики и самокритики [18].

Нельзя не учитывать, на наш взгляд, и то обстоятельство, что источниками разногласий в писательской среде были не только различия в представлениях о том, каким должно быть твор-

чество советских писателей, но и такие моменты, как борьба за те или иные руководящие должности в структуре ССПТ. Судьба писателей, не вписавшихся в новую реальность, была трагичной. Если в начальный период существования ССПТ чистка его рядов от инакомыслящих большей частью выражалась в исключении таковых из рядов писательской организации, то теперь их объявляли шпионами или врагами народа, расстреливали или отправляли в тюрьмы, лагеря.

Если писатель в своем произведении писал: "... раньше до революции на нашем вокзале за три копейки давали два горячих пирожка, а теперь тю-тю" [19], то его обвиняли, шельмовали, ибо советский писатель не имел права утверждать, что "раньше было лучше" [20]. Если писатель писал "о поездах с разваливающимися вагонами", то его обвиняли в том, что он в жалком виде показывает наш транспорт" [21].

Практика персонификации и классификации антипартийных сил и "врагов народа" в писательской среде, казалось, достигла своего апогея. При этом многие выступавшие на собрании не сдерживали себя в таких выражениях, как "никого нельзя назвать писателем" [22], "неприкрытая ничем клевета на людей советской авиации", "несвязные бормотания о пролетарском гуманизме", "троцкистский вопль" [23], "вредительская работа" [24]. И это неудивительно, поскольку даже в партийных документах содержались такие обороты речи, как "гнилое руководство", "буржуазно-националистические контрреволюционные султан-галеевские элементы..." [25].

Травля писателей развернулась и на страницах периодической печати. Так, например, в газете "Красная Татария" была опубликована серия аналогичных по содержанию и направленности статей [26]. Особой агрессивностью по отношению к инакомыслящим выделялась статья "Вместо критики – намеки и недомолвки". В ней Ф.Сайфи клеймили как "контрреволюционера", "националиста" за пьесу "Зубаржат", которая "клеветает" на стахановское движение. Еще более разнузданные обороты речи были применены по отношению к Ш.Усманову [27].

Статья "Ликвидировать политическую беспечность в ССПТ" была буквально нашпигована весьма характерными для 30-х годов оборотами речи: "гнусное дело", "враги народа", "популизировал фашизм", "пособники врагов народа", "гнусные выпады против ленинско-сталинской политики, против вождей нашей партии и народов". В ней также утверждалось, что в ССПТ "орудовала целая шайка контрреволюционных националистов и троцкистов – Ф.Сайфи, Г.Га-

леев, Е.Гинзбург, К.Наджми, Г.Тулумбайский и другие". Нападкам подверглись произведения К.Наджми ("Уч", "Редактор"), Х.Туфана ("Клятва", "Индустриальная лихорадка"), Ш.Усманова ("Путь легиона") [28]. В конце статьи были сформулированы задачи на будущее: "...выявить и выкорчевать врагов народа..." [29].

Статья "Кому служит Г.Ибрагимов?" была направлена против Г.Ибрагимова. Автор (или авторы) статью начал(и) следующим образом: "Враги народа, оборудовавшие в ССП и в органах Наркомпроса Татарии всячески старались прославить писателя Г.Ибрагимова, возводя его на пьедестал классика татарской литературы. Что же представляют собой "труды" этого "классика", в частности, его роман "Глубокие корни"? Советское ли это произведение? [30]. Главный тезис автора(ов) статьи был следующий: "В "Глубоких корнях" автор пытается показать классовую борьбу. Показывает борьбу против партии... Все "положительные" типы выведены Ибрагимовым в извращенном виде, что сделано с единственной целью – оклеветать партию и рабочий класс" [31].

Анализ выступлений писателей на собраниях 1936-1937 годов позволяет сделать следующие выводы.

При оценке хода и результатов этих собраний необходимо учитывать ту обстановку, которая существовала в стране: полное господство партии над государственными органами, разгул шпиономании, активная работа репрессивных органов.

Писатели относились к наиболее социально активной части населения страны тех лет. Многие из них были участниками гражданской войны на стороне советской власти, понимали происходящее в стране и имели свое собственное мнение о нем, некоторые из них открыто высказывали свою точку зрения. Писатели полагали, что они имеют на это право как участники установления и защиты советской власти. В то же время следует учитывать и то обстоятельство, что некоторые из них в споре искали не истину, а старались уличить оппонента в отступлении от партийных позиций в сфере художественной литературы. Выступления многих из них на собраниях писателей 1936 и 1937 годов со смелым признанием ошибок, допущенных, по их мнению, еще в 20-е годы, послужили своеобразными "признательными показаниями". Они в первую очередь и погибли.

Постановка и ход обсуждения проблемы формы в литературном творчестве, а также действия соответствующих органов в последующий период показали, что отныне партийные органы не соби-

рались терпеть многообразие подходов к литературному творчеству, и это явилось свидетельством отсутствия творческой самостоятельности. Партноменклатуре нужны были такие писатели, которые умели бы без какого-либо сопротивления осуществлять директивы, установки высших партийных органов в области культуры в целом, художественной литературы, в частности.

Изучение материалов общегородских собраний татарских писателей волей – неволей порождает впечатление, что выступавшие соревновались между собой, кто сильнее заклемит товарища по перу или самого себя. Кроме того можно проследить еще один важный момент: в выступлениях, как ни странно, не было славословия в адрес И.В.Сталина, чаще всего употреблялись такие выражения, как "сквозь призму партийных решений", "установки партии".

Специфика собрания 1936 года, на наш взгляд, состояла в следующем. На нем доминировало не стремление помочь соратникам по перу разобраться в формах и особенностях проявления формализма и натурализма в творчестве татарских писателей, а в том, чтобы "расквитаться" со своими оппонентами. Собрания как 1936, так и 1937 годов выполнили функцию своеобразной "сортировочной станции". "Сортировка" показала, что практически, по утверждению участников собрания 1936 года, не было среди татарских писателей никого, в чьем творчестве не было бы формализма и(или) натурализма.

К середине 30-х годов XX века основным способом управления творчеством писателей становится устрашение. Оно проявлялось в самых различных формах: угроза исключения из состава ССП, угроза быть обвиненным в принадлежности к той или иной писательской организации, существовавшей еще в 20-х годах. При этом преследовалась цель добиться беспрекословного повиновения указаниям вышестоящих партийных органов. Эти собрания оставили, видимо, у многих его участников тяжелый осадок: упоминание об уже арестованных писателях, жесткий тон выступлений представителей обкома и многое другое не могли не породить страх за собственную безопасность и безопасность членов семьи.

Таким образом, проведенные в 1936-1937 годах общие собрания писателей были своеобразным смотром партноменклатуры, на котором выявлялись степень унификации и стандартизации мышления, и создавался общий фон для последующих нападок (травли) и принятия репрессивных мер по отношению к тем или иным писателям.

1. Подробнее об этом см.: Литвин А.Л. Запрет на жизнь. Казань. 1993; Мустафин Р. Вас вызывает нарком...// Идель. 2001. №3. С.14-19; Мустафин Р. Дело Туфана (По материалам следственного архива КГБ)// Татарстан. 1992. №3. С.28-39.
2. Иезуитов А. Ленинские уроки// Нева. 1985. №11. С.143.
3. Подробнее см.: Троцкий Л.Д. Литература и революция. М., 1991. С.181.
4. Там же, С.142.
5. К.Наджми, Г.Нигмати, Шабанов, Г.Губай, Ф.Сайфи, Л.Гильми, Ш.Усманов, С.Муртазин, Рахманкулов, Х.Сайфи, И.Туктаров, Х.Вали, С.Гильфан, Т.Гиззат, Ф.Хусни, М.Амир, Ш.Камал, Х.Карим, З.Гимран и другие.
6. НА РТ, Ф.7083. Оп.1. Д.60. Л.58.
7. Там же. Лл.45, 72.
8. НА РТ. Ф.7083. Оп.1. Д.60. Л.46.
9. НА РТ. Ф.7083. Оп.1. Д.60. Л.15.
10. НА РТ. Ф.7083. Оп.1. Д.60. Л.19.
11. Плеханов Г.В. Сочинения. Т.14. М., 1942. С.138.
12. НА РТ. Ф.7083. Оп.1. Д.60. Л.26.
13. Там же. Лл.26, 27.
14. НА РТ. Ф.7083. Оп.1. Д.60. Л.24.
15. Давлетшин Т. Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики. Лондон, 1974. С.27.
16. Мустафин Р. Дело Туфана (По материалам следственного архива КГБ) // Татарстан. 1992. №3. С.29.
17. ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.3. Д.1668. Л.19.
18. НА РИ. Ф.7083. Оп.1. Д.95. Л.2; Д.94. Л.90.
19. НА РИ. Ф.7083. Оп.1. Д.95. Л.8.
20. Там же.
21. Там же.
22. На РТ. Ф.7083. Оп.1. Д.94. Л.93.
23. На РТ. Ф.7083. Оп.1. Д.94. Л.96.
24. Там же. Л.102.
25. См.: Резолюция Татобкома ВКП(б) "О состоянии и очередных задачах татарской советской литературы" (1933 год) // ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.3. Д.204. Л.19.
26. "Вместо критики – намеки и недомолвки" // Красная Татария. 1936. 28 марта; Ликвидировать политическую беспечность в ССПТ // Красная Татария. 1937. 11 мая; Решительно очистить ССПТ от враждебных элементов // Красная Татария. 1937. 12 июля; Кому служит Г. Ибрагимов? // Красная Татария. 1937. 12 ноября; Чуждые нравы в ССПТ // Красная Татария. 1938. 20 декабря; Вооружить нашу интеллигенцию марксизмом – ленинизмом // Красная Татария. 1939. 23 июля и другие.
27. Красная Татария. 1937. 11 мая.
28. Об оценке произведения Ш.Усманова "Путь легиона" со стороны К.Наджми см.: Галимуллин Ф.Г. Пока мы не рождены... (на тат. языке). Казань, 2001. С.47.
29. Красная Татария. 1937. 12 июля.
30. Красная Татария. 1937. 12 ноября.
31. Там же.

**PARTY POWER AND STRUGGLE AGAINST FORMALISM
AND NATURALISM AMONG THE WRITERS OF TATARSTAN**

Z.Z.Miftakhov, V.G.Khabiboullina

The article contains the information, which allows to imagine the atmosphere in the literary circles of Tatarstan in the second half of the 30-s of the XX-th century. A shorthand records study of the Kazan writers' meetings in 1936-1937 has allowed to create the idea about of the behaviour principles of different writers in the difficult times of the second part of the 30-th of the XX century.